

Наиль Муратов

Увидеть Париж и...

Из Киева в Париж маршрутов много, самый дешевый – с пересадкой в Риме. Интервал между рейсами тридцать минут, что мало, даже если самолет приземлится в аэропорту Фьюмичино строго по расписанию. Но сорок минут опоздания – и белокурая сотрудница «Эйр Франс», сочувственно улыбаясь, указывает на остекленную стену, за которой виднеется взлетная полоса и стремительно взмывающий в небо серебристый «Аэробус». Лена с тоской проводила самолет глазами. Часа через полтора он приземлится в аэропорту Шарля де Голля, только уже без нее. Но разве она не знала заранее, что так и случится, потому что с ее цыганским счастьем рассчитывать на иной исход дела было бы просто смешно! Хватит уже и того, что удача улыбнулась ей, позволив выиграть эту замечательную поездку. Как оказалось, поездку в никуда. Лена никак не могла сообразить, что делать дальше. Из иностранных языков она немного знала английский, который остервенело учила в школе. Но учить – это одно, а изъясняться – совсем другое. Служащая авиакомпании тратила свое время впустую – из множества произнесенных ею слов Лена не поняла ни одного. Мозг ее будто заклинило, и все, связанное с лингвистикой, оказалось в зоне невозврата. Но дама, облаченная в униформу «Эйр Франс», сдаваться не собиралась. Потерпев неудачу с английским, она перешла на французский, затем на итальянский, что, к сожалению, никак не повлияло на конечный результат. Лена чуть не расплакалась: итог ее заграничной авантюры – а участие в поэтическом конкурсе в Париже она теперь считала жуткой авантюрой! – оказался плачевным. Одна ночью в незнакомом городе, и никто не может тебе помочь. Впору повеситься!

Но блондинка за стойкой явно не разделяла пессимизма Лены, тем более что на помощь ей явился импозантный господин средних лет, судя по всему – сотрудник рангом повыше. Несколько минут он обсуждал с кем-то ситуацию по телефону, а затем неожиданно передал трубку Лене.

– Вы русская? – пророкотал приятный мужской голос.

– Украинка! – машинально ответила Лена.

– Хрен редьки не слаще! – философски заметил голос. – В общем, слушайте! Вас сейчас направят в гостиницу, там накормят, а утром вы вылетите в Париж. Поскольку вы опоздали по вине компании, она все и оплачивает. В гостиницу доберетесь автобусом, остановку найдете по указателям. Она в самом конце терминала. Вопросы есть?

– Нет! – быстро ответила Лена, хотя вопросов к неизвестному оракулу у нее было множество. Например, хотелось знать, где он так здорово научился говорить по-русски, живет ли в эмиграции или на просторах бывшего Союза, женат ли, есть ли у него хобби, и вообще, счастлив он или нет. Но даже находясь в состоянии ступора, она понимала, что при данных обстоятельствах ее вопросы вряд ли будут уместными. Впрочем, на смену ступору как-то незаметно пришла эйфория. Лена с удивлением обнаружила, что начинает понимать кое-что из того, о чем говорила представительница компании. Та выписала направление на поселение, затем предупредила, что автобус к гостинице отправится через двадцать минут. Воспрянувшая духом Лена за десять минут добралась до остановки. Ждать оставалось столько же. Будущее казалось прекрасным.

Но счастье оказалась недолговечным: Лена с ужасом обнаружила, что за мусорными баками, выставленными поодаль, кто-то прячется. И кроме нее самой этот кто-то был единственным человеком в округе. Шел первый час ночи, помощи ждать неоткуда. Ринуться со всех ног обратно в аэропорт Лена не решилась: сумка сильно тормозила движение. Бросить же ее было никак невозможно, потому что внутри находились платье и туфли, в которых Лена собиралась читать стихи на заключительном этапе конкурса. Это выступление – финал крупного поэтического фестиваля – должно было, по идее, стать ее звездным часом, признанием

несомненного, как она втайне верила, таланта! Но все пошло кувырком, и теперь ее жизнь, скорее всего, оборвется, и вместо заслуженного триумфа в Париже она обретет вечный покой в Вечном городе. Особенно обидным было то, что члены жюри об этом даже не узнают. Лена как человек ответственный с таким конфузом смириться не могла. Увидеть Париж и умереть – это еще куда ни шло, подумала она. Но умереть, так и не увидев Парижа! Стоило ли вообще тогда жить?! Лучшая защита – нападение! – сообщила она и решительно направилась к контейнерам, выставив на всякий случай вперед сумку. Правда, решимости хватило не более чем на несколько шагов. Лена остановилась и срывающимся голосом выкрикнула первые пришедшие на ум слова, вроде бы даже английские. Только позже она осознала, что в переводе на русский они означают, что известный русский писатель Антон Павлович Чехов родился в 1860 году. Как ни странно, но этот отрывок текста, навечно врезавшегося в память Лены еще в седьмом классе, возымел действие, правда, не то, на которое она рассчитывала. Из-за контейнера показалась зловещего вида фигура с битой и сделала шаг в направлении Лены. Возможно, этот парень вообще не знает, кто такой Чехов! – подумала она. В тусклом освещении лицо злоумышленника казалось вылепленным из отдельных квадратов и треугольников, что вызывало ассоциации с картинами позднего Пикассо. Владелец устрашающего лица помедлил, оценивая, очевидно, с какой стороны лучше нанести удар, затем продвинулся к жертве поближе. Теперь их разделяло не более пяти-шести метров. Выждав еще немного, незнакомец неуверенно поинтересовался:

– Are you married?

Такого поворота Лена ожидала меньше всего. На мгновение она оцепенела, затем начала гомерически хохотать. И странно, страх сразу куда-то улетучился, будто его никогда и не было. А тут еще и автобус подъехал. Фары высветили паренька лет семнадцати-восемнадцати, застывшего напротив Лены с недоуменным выражением лица. Ну а то, что в темноте выглядело, как бита, оказалась на самом деле букетом роз, завернутым в целлофан. Передняя дверь автобуса призывно распахнулась, и Лена с легким сердцем шагнула в пустой салон. Паренек

поспешил следом. В свете плафонов он уже не казался страшным, скорее забавным. Лену умилило, что ее попутчик, занявший на всякий случай кресло неподалеку, время от времени бросал на нее виноватые взгляды. Чтобы окончательно разрядить обстановку, она поинтересовалась, не направляется ли он тоже в гостиницу. К ее удивлению, нужные английские слова нашлись сами собой. Паренек с готовностью ответил, что да, направляется, и в свою очередь спросил, не сможет ли леди помочь ему с поселением, поскольку он впервые за границей и не очень хорошо здесь ориентируется. Ей опять захотелось расхохотаться, но она сумела сдержать себя и с серьезным видом ответить, что он может смело на нее рассчитывать. Паренек, вздохнув с облегчением, быстро пересел в кресло рядом с Леной. Судя по всему, он решил не испытывать судьбу и держаться к попутчице поближе. Звали его Сантуш. Был он очень славным, каким-то даже домашним, и ничем не отличался от мальчишек его возраста, живущих по соседству с Леной в Киеве.

В отеле их поселили на разных этажах, но Сантушу пришла в голову замечательная идея – наведаться к Лене в апартаменты и поблагодарить за помощь. Похоже, ему очень не хотелось оставаться самому в номере. Слово за слово, и вот уже половина ночи прошла в разговорах. На вопрос Лены, почему он прятался, гость ответил, что очень испугался, завидев приближающуюся к обстановке зловещую фигуру, и потому поспешил укрыться за мусорными баками. Перед отъездом из родного Лиссабона все друзья и родственники в один голос предупреждали его о многочисленных опасностях, подстерегающих в Риме неопытного путешественника. Особенно следовало опасаться цыган, понаехавших в Вечный город из далекой Румынии.

– А зачем вам было знать, замужем ли я? – спросила Лена.

– Ничего другого не пришло в голову, – сознался Сантуш. – Наверное, это была плохая идея, но вы так решительно шли на меня.

– Нет, это была отличная идея! – весело возразила Лена.

– Отчего же вы так смеялись?

– Оттого, что за последние десять лет вы – первый мужчина, пожелавший узнать, замужем ли я! – без запинки ответила она. И правда, не признаваться же, что сама перепугалась до смерти!

Так они проболтали почти до рассвета, заменяя слова жестами в тех нередких случаях, когда возникали затруднения. Оказалось, что юный португалец направляется в Ассизи к девушке, в которую влюблен уже больше года. Именно ей и предназначался букет роз, напугавший Лену. Пикантность ситуации заключалась в том, что встреча в Италии должна была стать первым очным свиданием двух влюбленных, поскольку до сегодняшнего дня их общение протекало исключительно в Сети. Когда выяснилось, что Лена – финалистка международного фестиваля поэзии, Сантуш разволновался: с поэтами судьба его до сих пор не сводила. Пришлось подарить ему один из сборников, которые Лена захватила для новых друзей в Париже. Получив подписанную автором книжицу, молодой португалец неожиданно умчался прочь, но спустя минуту вернулся, да еще и с бутылкой вина. По славянской традиции сборник «обмыли», и Сантуш, не знающий ни слова по-русски, упросил Лену продекламировать несколько стихов. И то ли язык поэзии понятен без перевода, то ли португальское вино обладает каким-то особым воздействием, но чтение Лены потрясло ее единственного слушателя. Прослезившись, Сантуш торжественно сообщил, что она оказала ему честь, и что он никогда этого не забудет.

Утром он дождался ее в фойе и, заметив небрежно, что добраться к любимой еще успеет, отправился провожать Лену в аэропорт, причем не покинул терминал до тех пор, пока ее самолет не оторвался от взлетной полосы.

Парижскую гостиницу, в которой размещали участников фестиваля, она разыскала без приключений. Всех поэтов поселили на одном этаже, и теперь здесь звучала исключительно родная, набившая оскомину речь. День пролетел как мгновение: экскурсия по городу, совместный ужин в ресторане. Ходили группой, как в советские времена, и в какой-то момент Лена с тоской поняла, что устала от такого обилия русскоязычного люда. Хотелось пройти по ночному Парижу, полюбоваться освещенной уличными фонарями Сенной, вдосталь наслушаться звучания настоящего французского языка. Но благое это намерение так и осталось неосуществленным: круг поэтов цепко держал Лену в своем замкнутом пространстве, втягивая ее, словно щупальцами, в общий

разговор всякий раз, когда она делала робкую попытку незаметно удалиться.

Вырваться удалось только следующим утром. Гостиница находилась в каких-то трех кварталах от острова Ситэ, и еще со вчерашнего дня Лена заприметила кафе на набережной, откуда открывался прекрасный вид на знаменитый собор. Возможно, это и было главной мечтой ее жизни – сидеть за столиком такого вот кафе на берегу Сены, блаженствуя в тени парижских каштанов. Иногда ей казалось, что в прошлой своей жизни она так и делала, настолько знакомым все было кругом. И когда поэты отправились на очередное официальное мероприятие фестиваля – встречу с журналистами, Лена выбилась незаметно из общего строя и направилась к заветному кафе. Заняла один из столиков, занимавших большую часть тротуара, и заказала капучино. С выбором места она не ошиблась: толпы туристов, неспешно перемещающихся вдоль парапета набережной к мосту, рядом с которым возвышался собор, огибали эту сторону улицы, и за столиком можно было даже ощутить одиночество. Финальное выступление начиналось в два часа, и Лена намеревалась провести остаток времени в этом волшебном месте. Она даже попыталась написать на салфетке стихотворение, подобно тому, как это делали французские декаденты, но затея оказалась неудачной, ручка лишь царапала и рвала бумагу. Пришлось пользоваться привычным блокнотом. Чтобы не возвращаться в гостиницу, Лена заранее надела платье, в котором собиралась появиться на сцене. Выглядело оно шикарно: черное облегающее фигуру платье для коктейлей – самая приличная вещь из всего ее небогатого гардероба. А в сумке-рюкзаке, которую она выпросила у дочери на время поездки, покоились не менее шикарные черные туфли. К несчастью, они были ей немного тесноваты, и до финала Лена предпочла ходить в спортивных тапочках. Она понимала, конечно, что в родном Киеве выглядела бы в таком наряде комично, но в Париже сочетание платья для коктейлей с тапочками и рюкзаком, слава богу, никого не забавляло.

Когда ты счастлив, то позволяешь времени баюкать себя, опасаясь расплескать по пустякам хорошее настроение. Но неожиданно пищит будильник, выставленный заранее на мобильном

телефоне, а стихотворение все еще не дописано, да и новая порция кофе призывно дымится на столике. Обжигаясь, Лена впопыхах допила его и попросила счет. Впереди было финальное выступление. Жизнь казалась такой же безоблачной, как небо над Сенной. Уже само по себе это должно было Лену насторожить, но...

Оставив деньги на столике, как это, по ее мнению, делали парижане, Лена гордо покинула кафе, но не успела сделать и трех шагов, как в голову ей пришли две замечательные строчки, которых не хватало ее стихотворению. А потом и еще две. Лена метнулась обратно к столику. В общем, когда она закрыла блокнот, времени, чтобы добраться до места, оставалось в обрез. Но не беда, дорогу Лена знала: нужно было пересечь Сену по мосту и пройти несколько кварталов. Она окинула быстрым взглядом улицу и, не увидев поблизости полицейского, перебежала ее, как всегда делала в Киеве, если торопилась. Водитель машины, оказавшейся в опасной близости, посигналил и погрозил ей пальцем, но Лена, сделав вид, что это относится не к ней, помчалась дальше. И уже на мосту зацепилась за бордюр и ласточкой полетела на тротуар. К чести ее, она не рухнула мешком, и перед тем как распластаться на асфальте среди людского потока, успела вытянуть вперед руки. Рюкзак же перелетел через ее голову, словно спешил примчаться на конкурс раньше хозяйки. Падение оказалось настолько ошеломляющим, что она даже не почувствовала боли. Сердобольные прохожие помогли ей подняться, начали наперебой что-то предлагать, но Лене было не до них: первым делом следовало проверить, не пострадало ли платье. К счастью, обошлось. Она облегченно вздохнула: пятна пыли можно было без труда вычистить щеткой. Пострадали только колени, разбитые в кровь, но это – пустяк, кровь можно отмыть в туалете перед выступлением, а ссадины заживут и так. Лена собралась продолжить марафон, но помешала опустившаяся на плечо тяжелая рука. Здоровенный негр-полицейский, возникший ниоткуда, явно намерился не дать нарушительнице сбежать. Как же она не заметила его раньше? И какой полагается штраф за переход улицы в неустановленном месте? Наверное, не меньше сотни евро, если не больше! Но главное, пока штраф оформят, финал закончится, и Лена останется без награды. К ее счастью, полицейский

значительно ослабил хватку, и свободной рукой начал чертить в воздухе загадочные знаки. Кому они были предназначены, Лена не увидела. Скорее всего, патрульной машине, притаившейся где-то поблизости. На ней ее и повезут в участок! Такой поворот событий Лену определенно не устраивал. Не долго думая, она со всей мочи огрела полицейского рюкзаком и пустилась наутек. Правда, пробежать ей удалось не больше метров пяти-шести, после чего мощная рука правосудия снова сдавила ее в своих объятиях. И уже куда больнее, чем раньше. Полицейский начал сурово выговаривать Лене, видимо, перечисляя статьи законов, которые она нарушила. Судя по всему, набегало на приличный срок. Все, прощай награда, здравствуй, парижская тюрьма! Да еще и с работ на верняка уволят!

Полицейский, пристегнув наручниками руку Лены к своей, снова начертил в воздухе загадочные знаки, и она наконец увидела, кому они предназначались. Две девушки в одинаковых красных теннисках спешили к мосту на велосипедах. Без сомнения – парамедики! Сняв рюкзаки, девушки достали наборы медикаментов и проворно промыли раны на ногах Лены перекистью водорода. Затем наложили по пластырю. Боль сразу утихла, но вместо облегчения Лена почувствовала отчаяние. Оказывается, полицейский вовсе не собирался ее арестовать, он только хотел оказать помощь. Наверное, их так здесь учат. А она его в благодарность рюкзаком по голове! Хорошо хоть, что в нем ничего тяжело не было, только туфли.

Исполнив свой долг, парамедики укатили прочь, и Лена осталась один на один с блюстителем закона, если не считать, конечно, еще пары сотен туристов, не скрывающих своего любопытства. Положение складывалось отчаянное: полицейский отпустить Лену не собирался, а она, не зная языка, ничего не могла ему объяснить. Единственным словом из его длинной тирады, которое она сумела разобрать, было слово *паспорт*. Лена полезла в рюкзак и обречено протянула представителю закона синюю книжицу с тризубом на обложке. Тот долго вертел ее в руках, просматривая страницу за страницей, но все они были пусты за исключением одной-единственной, на которой красовалась французская виза. Вздохнув, полицейский сунул паспорт в карман, что ничего

хорошего Лене не предвещало. Нужно было что-то делать. И тут в ее голове родилась очередная гениальная идея. В рюкзаке лежала афиша конкурса, которую Лена выпросила накануне у организаторов фестиваля. Текст афиши, включавший список участников финала, был набран как на русском, так и на французском языках. Развернув ее, Лена указала стражу правопорядка пальцем на свою фамилию в списке, затем на себя. Полицейский надолго задумался, потом вновь достал паспорт и начал сличать записи. Сомнений не было, задержанная была финалисткой международного конкурса поэзии. Пока он размышлял над тем, что делать дальше, один из туристов, бесцеремонно растолкав толпу, подобрался к Лене вплотную.

– Шо я вижу! – весело воскликнул он. – Дама в беде!

Не признать в нем одессита было невозможно. Распознав гражданство Лены по тризубу на паспорте, он, будучи, как все настоящие одесситы, человеком отзывчивым, решил немедленно помочь попавшей в беду соотечественнице. Правда, французский он знал не лучше Лены, но такие мелочи одесситов не останавливают. Рассмотрев афишу, он смело обратился к полицейскому по-русски:

– Послушайте, эта дама – знаменитая поэтесса! Через двадцать минут она должна выступать на конкурсе и завоевать гран-при. Вы же не хотите сорвать ее выступление?!

Пока полицейский, ошалевший от потока неизвестных слов, думал, что предпринять, от толпы туристов отделилась грациозная девушка лет двадцати пяти и в свою очередь начала что-то быстро ему говорить на французском. Полицейский бросил несколько слов в ответ, затем показал на наручники.

– Он не может вас отпустить, поскольку вы совершили нападение на представителя закона! – бесстрастно сообщила девушка Лене на чистом русском, а затем вновь обратилась к полицейскому с прочувствованной речью, в которой несколько раз прозвучало слово *поэт*. И то ли французские полицейские равнодушны к поэзии, то ли конкретно негры чувствительны к рифмованному слогу, но в этот раз страж закона отвечал не столь уверенно. В общем, после пяти минут торга девушка перевела его вердикт:

– Он не может вас отпустить, но и сорвать выступление тоже не хочет, поэтому отправится на конкурс вместе с вами, а потом доставит вас в участок.

– Ну, это мы еще посмотрим! – заметил одессит. – Кстати, откуда вы родом, спасительница?

– Из Питера, – скромно ответила девушка.

– Спасибо! – с чувством сказала Лена.

– Не за что! – легко отозвалась та. – А вы действительно знаменитость?

– В известном роде, да! – неопределенно ответила Лена.

На финальное выступление она опоздала, но не драматически: свои стих читала первая участница, а фамилия Лены значилась в середине списка. Моложавая распорядительница, обнаружив, что опоздавшая прикована наручниками к полицейскому, заметила без энтузиазма:

– Да, много мы тут чего видели...

Но галочку в списке поставила и даже провела за кулисы. Там кого только не было – и поэты, и их друзья, и даже медсестра с аптечкой. А теперь еще добавился и полицейский. Впрочем, ни на него, ни на Лену внимания никто не обратил. Конкурс протекал так, как обычно протекают такие мероприятия: перепуганный поэт выскакивал на сцену и декламировал, как умел, свои выдающиеся творения, а на смену ему готовился другой автор, не менее амбициозный. Очередь Лены неотвратимо приближалась, и вдруг до нее дошло, что полицейский отнюдь не собирается отстегивать наручники. Более того, он даже не разрешил ей достать из рюкзака туфли, считая их, по-видимому, вещественными доказательствами. Лена собралась было отодрать наклейки с ран, потом обреченно махнула рукой. Так они и вышли на сцену: полицейский и прикованная к нему поэтесса в шикарном платье для коктейлей, но босая и с пластырем на коленках. С их появлением в зале воцарилась мертвая тишина.

– Как сильно! – прошептал коллегам, сидящим с ним за одним столом, председатель жюри. – Да ей даже читать ничего не надо, можно сразу отдавать первое место.

Журналисты, оккупировавшие первый ряд кресел, не сговариваясь, включили диктофоны и принялись описывать

сногшибательную по замыслу акцию протеста киевской поэтессы. Направлена она была, по мнению одних, против гонений на свободу слова, по мнению других – против полицейского произвола. Высказывались и другие версии, не менее обоснованные. И никому, буквально ни единому человеку не пришло в голову, что арест Лены был всамделишным, а не постановочным.

Пока Лена собиралась с духом прочесть стихотворение, кто-то в зале не выдержал и крикнул «браво». И сразу же разразилась овация. Лена, не осознавшая в полной мере, что происходит, вопросительно взглянула на полицейского, но тот ошибочно воспринял ее взгляд как укоризненный. Ему было жутко неловко: мало того, что арестовал поэтессу – что не сулило лавров ни одному правоохранителю! – так она еще оказалась знаменитостью. Да, знаменитостью, иначе как объяснить обрушившийся на сцену шквал аплодисментов?! Арестовать знаменитость?! Полицейский представил, как приводит задержанную в участок, и как подтрунивают над ним коллеги. Эх, будь они еще хотя бы черными!

Когда аплодисменты смолкли, вдохновленная Лена в абсолютной тишине прочла стихотворение. И снова овация! Так Лене еще никогда не принимали. Когда она завершила выступление, публика аплодировала стоя. Многие зрители повибежали на сцену, чтобы подарить чтице цветы. Отдельно рукоплескали девочке, вручившей букет полицейскому. И это оказалось каплей, переполнившей чашу. Доброе сердце стража порядка дрогнуло. Сняв демонстративно с руки задержанной наручник, он протянул ей один из бланков, на которых выписывают штрафы, и ручку, требуя автограф. Сияющая Лена лихо начертала на служебной бумаге слова признательности, а потом не удержалась и обняла вновь обретенного друга.

И только в гостинице, поглаживая любовно массивный кубок, который и был главной наградой фестиваля, она сумела свыкнуться с мыслью, что ее вояж в Париж в конечном счете обернулся удачей. Но, как всегда, она радовалась рано: при регистрации в аэропорту де Голля выяснилось, что вес ее багажа превышает допустимое значение. А всему виной тяжеленный кубок и книги, которые она купила в подарок друзьям на последние деньги.

Вернее, почти на последние, потому что несколько евро мелочью Лена все же приберегла. Так, на всякий случай.

Пока Лена тщательно пересчитывала монеты, служащая, проводившая регистрацию, стояла напротив с непроницаемым лицом. К сожалению, денег на доплату существенно не хватало. Оставалось только одно – оставить часть багажа в Париже. Вздохнув, Лена выложила на стойку несколько книг. Превышение уменьшилось с четырех до двух килограммов, поэтому отбор пришлось продолжить. Следующей жертвой оказалось «Французское завещание» Андрея Макина, изданное на русском. Лена долго держала в руках роскошно оформленный роман, затем нерешительно присоединила его к остальному «конфискату». К ее удивлению, служащая, дотоле безучастно наблюдавшая за происходящим, сбросила книги со стойки, но не убрала их куда подальше, а запихнула обратно в чемодан. После чего с тем же непроницаемым видом прикрепила к его ручке бирку и отправила на движущуюся ленту. Этот благородный поступок не остался незамеченным: из толпы пассажиров послышались одобрительные возгласы, кое-то даже зааплодировал. Получив посадочный талон, растроганная Лена поспешила на досмотр. Но, увы, на этом ее злоключения не закончились. В Борисполе, после перелета, прошедшего в этот раз без приключений, выяснилось, что багаж Лены, в котором находилась заработанная потом и кровью награда, бесследно исчез. Разыскали его только через неделю, но ни кубка, ни подаренной организаторами бутылки шабли там не было. Правда, книги и диплом, подтверждающий победу, остались при ней.

И еще – воспоминания...

